

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

*Работа представлена кафедрой гражданского права
Санкт-Петербургского университета МВД России.*

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент В. И. Смирнов

В статье освещаются проблемы применения на практике некоторых терминов, которые на сегодняшний день не позволяют в полной мере использовать возможности института гражданско-правовой ответственности в отношении доверительного управляющего на рынке ценных бумаг. Обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в действующее законодательство в целях исключения случаев наступления усеченной ответственности в отношении доверительного управляющего на рынке ценных бумаг.

The paper touches upon the practical problems of using some law definitions which make it difficult to use properly capability of a legal liability institute concerning a beneficial owner in a stock market. To avoid cases of a beneficial owner's limited liability in a stock market it is necessary to introduce corresponding modifications into the active legislation.

Как показывает судебная практика, особую сложность при применении правовых норм об ответственности доверительного управляющего представляет неоднозначное толкование понятия убытков. Речь идет об «убытках» как основании возложения на доверительного управляющего на рынке ценных бумаг гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ст. 1022 ГК РФ. В качестве примера можно привести следующий случай из судебной практики. 7 апреля 2000 г. между некоммерческой организацией «Негосударственный пенсионный фонд «Иркут» (учредитель) и ЗАО «Байкальский фондовый дом» (доверительный управляющий) был заключен договор доверительного управления № 80/2000¹, в соответствии с условиями которого первый передал в доверительное управление ЗАО «Байкальский фондовый дом» из средств пенсионного резерва денежные средства в сумме 350 000 руб. для инвестирования в акции, о чем свидетельствовали протокол № 1 о внесении инвестиций от 7 апреля 2000 г., платежное поручение № 30 от 10 апреля 2000 г.

Срок действия договора доверительного управления истек 21 марта 2001 г.

По окончании срока действия договора имеющиеся в управлении активы – ценные бумаги стоимостью 352 819 руб. 40 коп. и денежные средства 1 411 руб. 76 коп. – были переданы ЗАО «Байкальский фондовый дом» негосударственному пенсионному фонду «Иркут».

При прекращении договора стороны составили протокол № 2 от 23 марта 2001 г., согласно которому рыночная стоимость активов составляла 209 017 руб. 86 коп.

Негосударственный пенсионный фонд «Иркут», считая, что в процессе доверительного управления произошла утрата денежных средств (было передано 350 тыс. руб., а получено после окончания срока договора – 209 017 руб. 86 коп.), обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с ЗАО «Байкальский фондовый дом» убытков в виде реального ущерба – 140 982 руб. 14 коп. –

разницы между переданной в управление суммой и возвращенной после окончания срока договора, и 4 017 руб. 86 коп. – упущенной выгоды.

Арбитражный суд Иркутской области отказал в удовлетворении исковых требований, обосновав свое решение тем, что истец не доказал *недобросовестность* управляющего и те условия, которые не исполнены им или исполнены ненадлежаще.

При этом суд руководствовался ст. 15, 393, 1022 Гражданского кодекса Российской Федерации. Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа посчитал выводы Арбитражного суда Иркутской области правомерными.

Согласно ст. 1022 Гражданского кодекса Российской Федерации доверительный управляющий, не проявивший при доверительном управлении имуществом должной заботливости об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления имуществом, возмещает выгодоприобретателю упущенную выгоду за время доверительного управления имуществом, а учредителю управления убытки, причиненные утратой или повреждением имущества с учетом его естественного износа, а также упущенную выгоду.

Доверительный управляющий несет ответственность за причиненные убытки, если не докажет, что эти убытки произошли вследствие непреодолимой силы либо действий выгодоприобретателя или учредителя управления.

Под убытками в силу ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации понимаются расходы, которое лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Статья 393 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что

должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Для наступления ответственности доверительного управляющего необходимо наличие реальных убытков или упущенной выгоды, само существование которых и размер должно доказать лицо, их понесшее.

Причинная связь между действиями (либо бездействием) доверительного управляющего и неблагоприятными имущественными последствиями также должна быть доказана стороной, требующей соответствующего возмещения.

Противоправность поведения доверительного управляющего состоит в неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей по договору, т. е. в не проявлении *должной заботливости* об интересах учредителя доверительного управления (выгодоприобретателя), обозначенных в договоре.

По упомянутому договору доверительного управления № 80/2000 (приложение № 2 п. 2.3) объектами инвестирования денежных средств являлись в том числе и акции АК «Сбергательный Банк Российской Федерации», ОАО «РАО «ЕЭС России»», которые были приобретены доверительным управляющим.

При таких обстоятельствах в действиях управляющего, по мнению Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, отсутствует противоправность поведения. При этом Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа особо подчеркнул: «Разница между балансовой и рыночной стоимостью ценных бумаг была вызвана изменением конъюнктуры рынка и не связана с деятельностью управляющего».

Данный пример наглядно показывает, с одной стороны, всю уязвимость конструкции доверительного управления на рынке ценных бумаг с точки зрения эффективности применения правовых норм об ответственности в отношении доверительного управляющего, с другой стороны, тонкую,

почти невидимую грань, пролегающую между «конъюнктурой рынка», освобождающей управляющего от ответственности, и его действиями или бездействием, причиняющим вред имуществу учредителя доверительного управления.

Наша задача в этом смысле как раз и заключается в определении этой «границы». Решение поставленной задачи невозможно без уяснения истинного содержания понятия «убытки», применяемого при разрешении споров, вытекающих из отношений по доверительному управлению на рынке ценных бумаг.

В действительности термин «убытки» применяется в юридической литературе и на практике неоднозначно, и иногда такое применение не совпадает с текстом закона.

Поэтому необходимо четко разграничивать убытки в юридическом, экономическом и во всех других смыслах, так как термин «убытки» широко используется в экономике, бухгалтерском учете, при налогообложении, а также в обиходной речи.

Абсолютно очевидно, что убытки в названных сферах могут совпадать, а могут и не совпадать с аналогичным понятием в праве, так как не идентифицируются по отношению к конкретному правонарушителю и далеко не всегда связаны с правонарушением. Это различие давно известно, и специально останавливаться на нем не было бы смысла, если бы не удивительное пренебрежение самого законодателя к необходимости тщательно разграничивать те и другие убытки хотя бы в пределах ГК РФ, тем более если речь идет о ситуациях, в которых вопрос о возложении гражданско-правовой ответственности на ту или иную сторону в договоре напрямую зависит от того, как будет правоприменителем истолкована та или иная правовая норма об «убытках»². Именно такая правовая ситуация, по нашему мнению, сегодня имеет место в системе гражданско-правового регулирования ответственности к оверителю доверительного управляющего на рынке ценных бумаг. Причем в данном случае мы вынужде-

ны признать наличие двух вариантов, в рамках которых убытки по своему смысловому содержанию будут серьезно отличаться.

Согласно первому варианту, «доверительный управляющий несет ответственность за причиненные убытки, если не докажет, что эти убытки произошли вследствие непреодолимой силы либо действий выгодоприобретателя или учредителя управления» (п. 1 ст. 1022 ГК РФ). Как мы видим, здесь законодатель не предусматривает каких-либо особенностей содержания понятия «убытки». Это значит, что в данном случае при определении убытков мы должны будем руководствоваться только положениями статьи 15 ГК РФ: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)».

Несмотря на то что такой подход к понятию убытков полностью адекватен правовой природе предпринимательской деятельности доверительного управляющего на рынке ценных бумаг, де-факто, как свидетельствует приведенный нами пример, судами он не применяется. Суды предпочитают применять другую трактовку, а значит, и смысл термина «убытки».

Речь идет в данном случае о другой части все той же ст. 1022 ГК РФ: «Доверительный управляющий, не проявивший при доверительном управлении имуществом должной заботливости об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления, возмещает выгодоприобретателю упущенную выгоду за время доверительного управления имуществом, а учредителю управления – *убытки, причиненные утратой или повреждением имущества*, с учетом его естественного износа, а также упущенную выгоду» (п. 1 ст. 1022). То есть, для того чтобы учредителю управления привлечь

управляющего к ответственности, необходимо, чтобы убытки, причиненные имуществу учредителя управления, были вызваны *утратой* или *повреждением* имущества. Вместе с тем, в соответствии со ст. 15 ГК РФ, под убытками понимаются не только утрата или повреждение имущества лица, но и *расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права*. Таким образом, в п. 1 ст. 1022 ГК РФ сформулировано усеченное понятие убытков, не включающее в себя *расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права*. То есть в ст. 1022 ГК РФ законодатель исключил возможность применения всего объема понятия убытка, сформулированного в ст. 15 ГК РФ, в то же время им оперируя. Мы видим, что законодатель в рамках рассматриваемой нами части ст. 1022 ГК РФ «искусственно» сузил понятие убытков.

А что если в результате деятельности управляющего, не проявившего должной заботливости, ценные бумаги сильно упадут в своей курсовой стоимости, обесценив тем самым в конечном итоге ценные активы учредителя управления? Очевидно, что интерес, а значит, и право учредителя будут нарушены. Следовательно, учредитель понесет расходы. Согласно ст. 15 ГК РФ возникнут убытки, причиненные имуществу учредителя (в виде реального ущерба), и управляющего можно будет привлечь к ответственности. Согласно же ст. 1022 ГК РФ, здесь не будет никаких убытков, так как здесь нет утраты ценных бумаг и нет их повреждения. Мы вынуждены констатировать, что, во-первых, конструкция ответственности, предусмотренная ст. 1022 ГК РФ, не учитывает специфических свойств такого вида имущества, как ценные бумаги, и, во-вторых, не соответствует положениям об ответственности, сформулированным в ст. 15 ГК РФ; в-третьих, не способствует эффективной правовой защите интересов учредителя доверительного управления на рынке ценных бумаг.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем дело с существованием двух противоречащих друг другу правил об ответственности доверительного управляющего (принцип вины), базирующихся в том числе на различных подходах к понятию «убытки».

По нашему мнению, за основу следует брать концепцию убытков, сформулированную в ст. 15 ГК РФ. В этой связи необходимо внести изменения в п. 1 ст. 1022 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «1. Доверительный управляющий, не проявивший при доверительном управлении имуществом должной заботливости об интересах выгодоприобретателя или учредителя управления, возмещает выгодоприобретателю упущенную выгоду за время доверительного управления имуществом, а учредителю управления – убытки, причиненные *расходами, которые учредитель управления произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права*, утратой или повреждением имущества, с учетом его естественного износа, а также упущенную выгоду».

Вместе с тем, по нашему мнению, не только положения об убытках, закрепленные в ст. 1022 ГК РФ, не позволяют в полной мере использовать возможности института гражданско-правовой ответственности в отношении доверительного управляющего на рынке ценных бумаг.

Анализ других нормативно-правовых актов также показывает, что имеют место и иные гражданско-правовые нормы, регулирующие вопросы ответственности доверительного управляющего ценными активами и определяющие эту ответственность в большинстве случаев для него в усеченном варианте.

На наш взгляд, ответственность доверительного управляющего необоснованно сужается не только в судебной практике, но также и в нормативно-правовых актах, регулирующих соответствующие отношения. Так, например, в п. 91 Постановления Правительства РФ «О типовых правилах дове-

рительного управления открытым паевым инвестиционным фондом» от 27 августа 2002 г. № 633³ говорится: «Управляющая компания несет перед владельцами инвестиционных паев ответственность в размере *реального ущерба* в случае причинения им убытков в результате нарушения Федерального закона «Об инвестиционных фондах», иных федеральных законов и правил фонда, в том числе за неправильное определение суммы, на которую выдается инвестиционный пай, и суммы денежной компенсации, подлежащей выплате в связи погашением инвестиционного пая». Дело в том, что подлежащая выплате в связи с погашением инвестиционного пая денежная сумма никак не может подпадать под понятие «реального ущерба», а значит, быть взыскана с управляющей компании, так как в данном случае мы имеем дело скорее с убытками в виде упущенной выгоды.

А вот другой пример, свидетельствующий о том, что государственные органы в трактовке «усеченной ответственности» идут еще дальше, чем это позволяет им Гражданский кодекс РФ (ст. 1022). Так, в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении инвестиционной декларации Внешэкономбанка о доверительном управлении средствами пенсионных накоплений» от 1 сентября 2003 г. № 540⁴ оговариваются следующее основание наступления ответственности государственной управляющей компании (Внешэкономбанка – доверительного управляющего): «В случае обнаружения несоответствия доли определенного класса активов, входящих в инвестиционный портфель, ее установленному максимальному размеру из-за изменения рыночной или оценочной стоимости активов Внешэкономбанк обязан привести структуру активов в соответствие с установленными требованиями в течение шести месяцев с даты обнаружения нарушения.

В случае, если указанные нарушения произошли в результате *умышленных действий* Внешэкономбанка, он обязан устранить их в течение 30 дней с даты их обна-

ружения и возместить Пенсионному фонду Российской Федерации ущерб, являющийся следствием нарушения установленной структуры активов и совершения сделок с целью ее корректировки» (п. 9 Постановления). Мы видим, что здесь главным условием наступления ответственности является наличие умысла в действиях управляющей компании. Вместе с тем используемая в ст. 1022 ГК РФ формулировка «непроявлении **должной заботливости** об интересах» учредителя управления по своему этимологическому содержанию подразумевает не только умышленные действия оверитительного управляющего, но и действия, совершенные в результате небрежности управляющего. К тому же аналогичный подход используется и в зарубежном законодательстве. Так, в соот-

ветствии со ст. 1992 Гражданского кодекса Франции⁵, управляющий отвечает не только за умышленные действия, но за небрежность, которую он допустил в своей деятельности.

Таким образом, положения рассматриваемого нами Постановления Правительства не могут сужать сферу действия ст. 1022 ГК РФ, а значит, в случае, если в действиях государственной управляющей компании будут установлены не умышленные действия, а действия, совершенные в результате небрежности, следует применять положения ст. 1022 ГК РФ. Как нам кажется, этот же подход должен использоваться и в других нормативно-правовых актах Правительства РФ⁶, содержащих аналогичные положения об ответственности управляющих компаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 октября 2001 г. NA19-5235/01-27-Ф02-2423/01-С2

² В решениях некоторых судов трактовка убытков применительно к доверительному управлению имуществом приобретает достаточно оригинальную форму. Так, например, в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 апреля 2006 г. № Ф08-1550/06 говорится: «В соответствии с пунктом 1 статьи 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему. Согласно пункту 2 статьи 902 Гражданского кодекса Российской Федерации убытки, причиненные поклажедателю в результате утраты или недостачи вещей, возмещаются в размере стоимости недостающих или утраченных вещей. Пунктом 1 статьи 1022 Кодекса предусмотрено, что доверительный управляющий не несет ответственности перед учредителем доверительного управления за убытки, произошедшие вследствие действий учредителя управления. Из указанных норм следует, что если имущество, передано доверительным управляющим на хранение и выдано учредителю доверительного управления, последний не может взыскивать стоимость имущества с доверительного управляющего. Кроме того, в этом случае нет оснований считать, что учредителю доверительного управления причинены убытки, поскольку имущество осталось в его собственности, поэтому отсутствуют основания для взыскания с доверительного управляющего стоимости имущества. Таким образом, у доверительного управляющего не могут возникнуть убытки, вызванные тем, что спорное имущество передано учредителю доверительного управления, следовательно, иск о возмещении убытков не подлежит удовлетворению».

³ СЗ РФ. 2003. № 36. Ст. 3521.

⁴ СЗ РФ. 2002. № 35. Ст. 3385.

⁵ Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. нормативных актов: гражданские и торговые кодексы: Учеб. пособие / Под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. М.: Изд-во УДН, 1986. С. 93–94.

⁶ Например, Постановление Правительства РФ «О мерах по организации управления средствами пенсионных накоплений» от 30 июня 2003 г. № 395 // СЗ РФ. 2003. № 27 (часть II). Ст. 2808 и др.